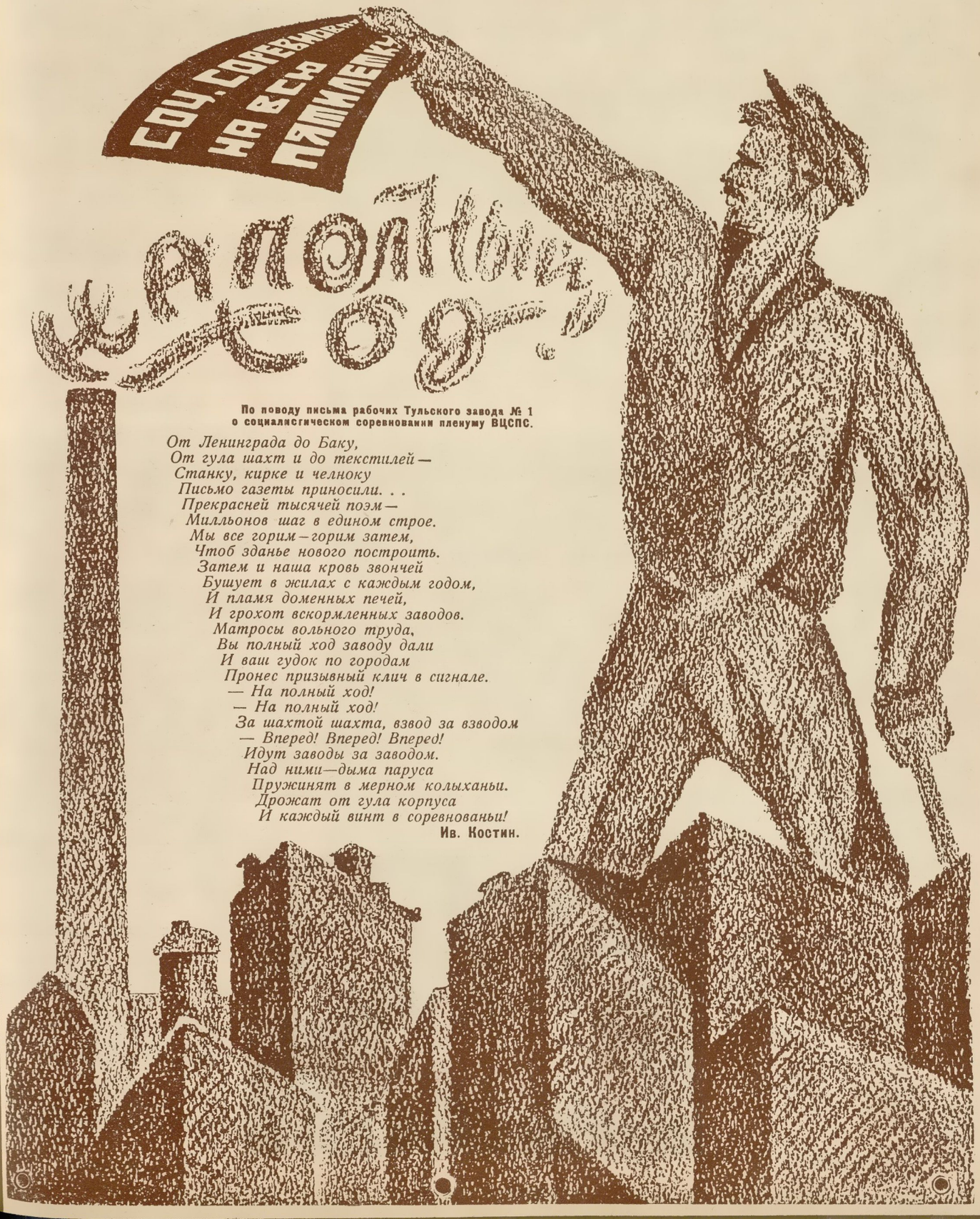
ЦЕНА номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЖУРНАЛ Тул. АПП.

МОЛОТ

Июнь 1929 № 6 (31).

По поводу письма рабочих Тульского завода № 1 о социалистическом соревновании пленуму ВЦСПС.

От Ленинграда до Баку,
От гула шахт и до текстилей—
Станку, кирке и челноку
Письмо газеты приносили. . .
Прекрасней тысячей поэм—
Миллионов шаг в едином строе.
Мы все горим—горим затем,
Чтоб зданье нового построить.
Затем и наша кровь звончей
Бушует в жилах с каждым годом,
И пламя доменных печей,
И грохот вскормленных заводов.
Матросы вольного труда,
Вы полный ход заводу дали
И ваш гудок по городам
Пронес призывный клич в сигнале.
— На полный ход!
— На полный ход!
За шахтой шахта, взвод за взводом
— Вперед! Вперед! Вперед!
Идут заводы за заводом.
Над ними—дыма паруса
Пружинят в мерном колыханьи.
Дрожат от гула корпуса
И каждый винт в соревнованьи!

Ив. Костин.

Писатели, художники—на помощь соревнованию!

(Из письма тульских металлистов пленуму ВЦСПС).

Отмечая громадную роль в социалистическом соревновании печати, как «коллективного организатора масс», мы обращаемся через пленум ВЦСПС ко всем партийно-советским и профессиональным газетам, и в первую очередь к ленинской «Правде» и газете «Труд», шире освещать соревнование, показать нам живых людей, живые образцы лучшей работы. Госиздат тоже должен включиться в соревнование. Мы ждем от него дешевой, популярной технической книжки. Мы хотим видеть его книгонош у себя на заводе. Уже при обсуждении этого нашего письма один из наших рабочих подал добавление к письму: «Почему не читали мы хорошего стиха о соревновании?» Мы принимаем это добавление и обращаемся с призывом к поэтам, писателям, художникам:

— Братва! Сыпь к нам в цехи, в мастерские! Подкрепи, ободри нас своим хорошим стихом, рассказом, картиной! Не с целью прославления нас зовем мы вас к себе в мастерские, а потому, что, согласитесь, нет, ведь, сейчас более интересной и волнующей массы темы, чем социалистическое соревнование!

Мастера металла надеются увидеть у себя мастеров пера и кисти!

Тульские пролетарские писатели вызов приняли.

Тульские пролетарские писатели и все сотрудники журнала «Молот», принимая вызов, приветствуют тульских металлистов, вызвавших писателей стать в колонны армии рабочих, выступившей в соревнование на фронте стройки социализма.

Журнал «Молот», начиная с июня, приступил к печатанию художественного материала: очерков, стихов, зарисовок, рассказов, отображающих соц. соревнование—героический труд и борьбу пролетариата и идущего за ним крестьянства в великом деле нашего хозяйственно-культурного строительства—строительства социализма.

Следующий номер «Молота», посвященный соц. соревнованию, выйдет в увеличенном размере.

Правление ТАПП.

Редколлегия «Молота».

Что читать начинающему писателю.

1. *Фриче*—Социальное значение искусства. 2. *Плеханов*—сборник «Искусство». Изд. Новая Москва. 3. *М. Горький*—Кого можно считать пролетарским писателем? 4. *Ю. Лебединский*—К вопросу о личности художника.

Работа над языком.

Томашевский — Теория литературы. *И. Беккер*—«Писатель за работой». Словарь писателя и работа над языком. *Перевезрев* (Творчество Гоголя)—главы о стиле. *Ольшинский* — По литературным вопросам. Искусство худ. детали. *Белецкий*—В мастерской художника. Сборн. вопросов теории психологическ. творчества. *Берковский* — Стилевые проблемы. («На лит. посту» №№ 22-23 и 24 за 1907 г.).

Основы стихосложения.

Бюхер—Труд и ритм (стр. 9-32). *А. Крайский*—«Как писать стихи». *Рабкоровская поэзия*—изд. «Прибой» (в конце статья о стихосложении). *Изотов*—Начатки литературной грамоты. *С. Малахов*—«Как строится стихотворение». *Г. Лелевич—Шкловский* «Марксистская хрестоматия по литературе. *Шенгели*—Как писать стихи и рассказы.

Фабула, сюжет.

Асеев—«Ключи сюжета» («Мол. гвард.»). *Г. Лелевич*—«На лит. посту» (А. Ахматова). *В. Шкловский* — Техника писательного ремесла. *А. Воронский* — Об искусстве. *А. Серафимович* — Как я писал «Железный поток», «На лит. посту». *Беккер*—«Писатель за работой».

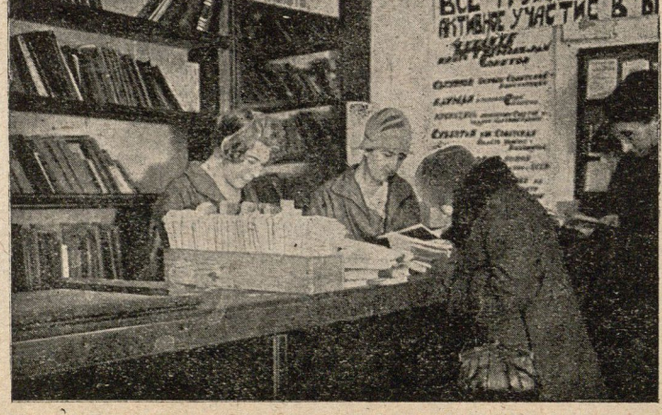
Социально-психологический показ.

Ю. Лебединский – «Учеба, творчество, самокритика. (Реалистический показ личности»). *А. Воронский* — «Об искусстве» изд. Прожектор. *Белецкий*—В мастерской художника. *Воронский* — Искусство видеть мир. (Изд. Круг). *Воронский* — Искусство, как отображать действительность (Изд. «Основа»). *Фриче* — «Пролетарская поэзия». *Ханин*— Два пути литературной молодняка. 1-я книга—Комсомол и его писатели. *М. Беккер*—«В поисках пролетарского эпоса» («Октябрь» № 5). *И. Н[ови]вич*—Новая книга Безыменского («На лит. посту» № 13-14). *Лелевич*—«Уляляевщина» (Новый мир). *Маяковский*—«Все». *Сельвинский*—«Уляляевщина». *Светлов*—«Ночные встречи» (Мол. Гвардия). *Уткин* — Первая книга стихов (ГИЗ). *Жаров* — I том (изд. «Молодая Гвардия»). *Безыменский* — «Как пахнет жизнь комсомола» Кр. Новь.

Пролетарская литература.

Лебединский—Неделя. *А. Ф[адеев]*—Разгром. *А. Серафимович*—«Железный поток». *Ю. Лебединский*—Поворот. *Семенов*—Наталья Тарпова *Лелевич*—«На литературн. посту» 1925 год. *Авербах*—Сбор «О задачах пролетлитературы» Изд. *Лелевич*—Творческие пути пролетлитературы ГИЗ. *Гроссман-Рощин* — Эпос и люди. (Мол. Гвардия № 91).

Юбилей советской книги.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Июнь 1929 года. | № 6 (31)

ДЕРЖАВНА ПУБЛІЧНА БІБЛІОТЕКА 17 7 29 ОДЕСА

Старый большевик, опытный работник.

Новый секретарь Тульского Губкома ВКП (б).

Тов. Грановский имеет за своими плечами большое революционное прошлое и работу на ответственнейших руководящих постах.

В 1907 году он вступает в первый подпольный кружок. Затем студенческие годы, работа в студенческих революционных кружках.

В 1914 году т. Грановский вступает в партию большевиков. Во время империалистической войны он ведет революционную пропаганду в армии.

В 1918 году, при гетманском правительстве в Киеве, его арестовывают. Но в это время происходит между белыми и красными обмен заключенных, и т. Грановский возвращается в Москву.

С 1920 года т. Грановский—зам. наркомвнудел Украины, председатель кременчугского губернского революционного комитета, потом парт. и проф. работа в Одессе, Чернигове и на Дальнем Востоке, где он и работал около четырех лет секретарем Амурского и Приморского губкомов. Оттуда он перебрасывается в Москву в ЦК, потом на партработу в Дагестан,— где занимал пост секретаря дагестанского обкома ВКП (б.). Затем работал в качестве ответственного инструктора ЦК ВКП (б.).

В тульской парторганизации тов. Грановский работает с апреля с. г.

Тов. Грановский.

„Мы уже перешагнули все довоенные цифры и на полный ход заправляем грандиозный пятилетний план нашего народного хозяйства. Для того, чтобы этот план быстрее провести в жизнь, мы, как подлинные хозяева наших социалистических фабрик и заводов, завод за заводом, шахта за шахтой и фабрика за фабрикой вступили в социалистическое соревнование“.

(Из письма тульских металлистов пленуму ВЦСПС).

МОСТ

рассказ Ф. КУЗНЕЦОВА. рисунки В. ГИЛЬБЕРТА

НАДОЕЛО мне жить в деревне. Все бедно, грязно. Жизни нет. Была одна лошаденка, и та сдохла. Отец—ворчит, мать—охает, а я, как дурак, хожу по соседям, скучаю. Развития никакого в деревне нет. Приезжали шефы из города, говорили об избе-читальне, о коллективе, но ничего не вышло. Слишком дик был наш народ, да и в городе-то редко кто был.

Эх, думаю, сдохну я от такой жизни здесь в темноте, тоске, в тупых серых буднях. Заедят меня здесь: грязь, вши, вонь бесшабашная. А кругом тьма, предрассудки, некультурность. Земли и простора много, а толку мало,— земля бесплодная, мысли бесплодные.

Однажды сижу скучаю на заваленке. Подходит отец и спрашивает:

— О чем, малый, задумался?

— О плохой жизни, вот о чем.

— Что ж делать, если хорошей нет, и плохую полюбишь.

— Нет К дьяволу! В город поеду!

— В город?

Отец подумал, потом сказал:

— Эх, Марк, а что ты там будешь делать? Дураков ведь и там много.

— А может и умным выйду.

— Ретив больно... не думается.

— Я решил...

— Что ж... Под лежачий камень вода не течет. Поезжай. Хуже, чем есть, не будет. Так по крайности узнаешь, как люди живут в городе. Не заболтайся только...

Потом я сказал матери. Мать в слезы:

— Молод ты, Марк, восемнадцать годов только... А чужая сторона, темный лес. Сгоришь ты там, как свечка.

— Не плачь, мать... ничего. Поступлю на работу. Силенка есть.

Погладила она меня тощей рукой по курчавой голове, вытерла слезы фартуком и сказала:

— Смотри, Марк, как хочешь... Только жаль мне тебя, один ты у нас. Думать все буду о тебе...

Через неделю простился с отцом, матерью, закинул мешочек за спину и отправился в дорогу. Оглянулся последний раз назад. Стоит мать и смотрит пристально на меня, подперев рукой на бок склоненную голову.

* * *

Денег не было. Шел в город пешком. Сорок верст отдул. Ночевал на постоялом дворе, где мужики наши останавливаются. Порасспросил кой у кого насчет работы. Один и спрашивает:

— А какой ты специальности-то, парень?

— Какой? Известное дело,—из деревни.

— Чернорабочий, стало быть?

— Ну, да... нигде ничему не учился. Только немного времени кувалдой на станции работал.

— Трудно работу найти. Сходи на биржу труда, может, и выйдет что... Только в от'езд больше, в Сибирь. Там большую железную дорогу строят.

— Мне все равно.

Утром на другой день сходил на биржу. Предлагают в от'езд.

— Согласен.

— Приходи завтра, путевку получишь. Артель вас поедет человек пятнадцать.

На следующий день получили путевку. Поехали.

Много городов проехали, станций, полустанков. Смотрю. Все было любопытно. Приехали. Слезли. Направились в контору. Там нам сказали:

— Вы будете, товарищи, работать на стройке моста.

* * *

С этого дня потекла моя жизнь в работе.

Был тут инженер один, худой, высокий, Петр Иванович Стуков. Однажды он мне и говорит:

— Вот что, Марк, я вижу ты парень расторопный, исполнительный, назначаю тебя на клепку мостов. Привыкнешь, будешь котельщиком, настоящим рабочим, тогда ты нигде не пропадешь.

— Спасибо. Постараюсь, Петр Иванович.

— Смотри.—А сам пальцем грозит.

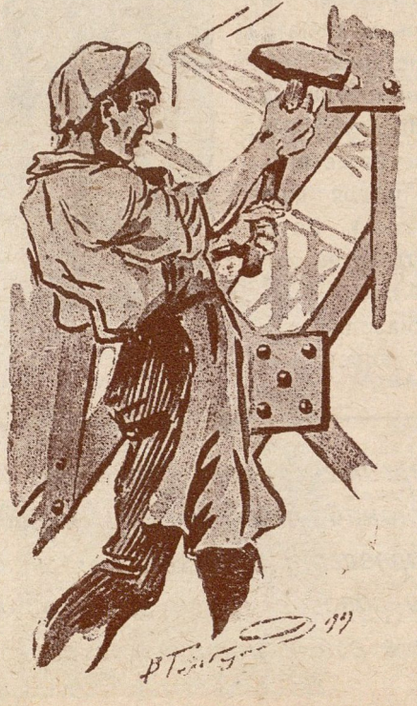
Помню, работаем на подмостях моста высоко, над самой рекой. Река Обь называется Большая река. Работаю—заклепки поддерживаю. Жуть берет. Вниз глянешь — голова кружится, а тут деревня на ум пришла. Задумался. А мастер котельщик кричит.

— Марк, гы что! заснул? Чорт! Подавай заклепки!

Тут же у меня горно под рукой. Подаю. Держу молотком... А мастер обжимкой: хлоп, хлоп. Далеко по реке стук несется. А кругом ширь необ'ятная, степь... В даль стальные плети уходят. Там, где-то далеко за пространством, и наша деревня затерялась.

На мосту людей много. Работа кипит день изо дня. Подвозят: лес, железо, камень, цемент, песок... Бутят, засыпают, клепят... Гром, стук, крики...

Вечером идешь в клуб. В клубе лекции, кружки, доклады... Кипит, бушует жизнь... Радостно, весело... Хочется все познать. Из клуба книги брал читать; интересные книги—не оторвешься. В одних пишется о социализме, о колхозах, в других о быте, о культуре, о труде...

Далеко по реке стук несется...

Уполномоченный месткома —хороший парень —подошел ко мне и говорит:

— В комсомол тебе, товарищ, нужно записаться. Нужно активным работником тебя сделать. Парень ты ничего, стараешься и книжки читаешь. Хорошо будет.

— Конечно, товарищ Марк,— подтверждает комсомолка Варя Кожина.

Молодая девушка, веселая... Ораторствует она здорово и умно.

— Что ж можно,— краснея, ответил я.

— Прекрасно. Сейчас у нас собрание. Вы не останетесь?

— Отчего ж, останусь.

— Вот и хорошо.— А сама улыбнулась ямочками щек и черными глазами. Быстро повернулась. Две длинные косы прыгнули на ее крутые плечи и упали на высокую грудь.

Я сидел в первом ряду. Варя делала доклад. Говорила она горячо, складно... Я слушал и смотрел на жар ее щек, на огонь ее глаз. Она говорила о молодежи, о сплочении ее рядов, о быте, о чистоте комсомола, об учебе... о смене старых кадров... Она говорила долго, уверенно. Я весь был во власти слов Вари, ее горячей веры и вполне искренних чувств... И я завидовал ей.

С этого момента я стал сильнее учиться. Я записался в комсомол. Пошли дни упорной учебы. Я не спал ночами, каждую свободную минуту старался использовать.

Однажды подходит ко мне инженер Стуков и спрашивает:

— Ну, как, Марк, дела? Учишься?

— Учусь, Петр Иваныч.

— Молодец! Из тебя выйдет человек настоящий.

Это мне польстило... И я поставил своей задачей догнать Варю, догнать во что бы то ни стало.

* * *

Отцу с матерью я написал письмо и послал денег. Я писал им о том, как здесь хорошо, весело, как я учусь. Какой мы строим мост для железной дороги, которая пойдет далеко, через степи... По ней будут провозить миллионы пудов хлеба, товаров... Оживет большой край, оживут степные деревни. И вместе с поездами, через мост, который мы строим, по дороге в этот заброшенный край придет хорошая новая жизнь.

Идут дни, недели, месяцы... Дуют сквозные ветры сквозь пролеты моста, гонятся по широким просторам страны. Так же бегут мои мысли. Эх, скорей бы двигалась постройка! Скорей! Так хочется видеть законченный труд... Еще немного, вот красим переплеты зеленой краской. Стуков ходит уверенный в себе, в людей, окружающих его.

— Ну, ну, Марк! Поспешай, поспешай!—А сам смеется.

— Скоро, Петр Иванович?

— Скоро, скоро! Здесь кончим, поедем дальше строить. Постройки много... А хорош, Марк, мост, а?..

— Хорош,—отвечаю я.

Я на самом верху, на железной раме моста. Опоясанная полукилометровым гигантом течет внизу широкая Обь, стелется полотном среди лугов, хоронясь в лесу.

— Товарищ Марк! Марк!

Слышу, кричат мне. Я оглянулся. Смотрю Варя стоит около моста, стоит и смотрит на меня.

— Товарищ Кожина!—крикнул я и быстро сошел вниз.

— Марк, как ты высоко забрался.

— Высоко?

— Да

— Пустяк. Чем выше, тем лучше.

— Не боишься, что упадешь?

— Ну, так что ж, с высокого места и упасть хорошо,— пошутил я.

Шли мы с ней рядом.

— Марк! В деревню теперь не поедешь?—спросила она.

— Нет. С деревней теперь все кончено.

— Так скоро забыл деревню?

— Забыть-то я не забыл, а только делать там нечего... Жить нечем.

— А здесь есть чем?

— Как же... тут книги, другие люди...

— Кто ж?

— Хотя бы Стуков, уполномоченный, ну и ты...

— Ну, я что... Шутишь, Марк.

— Серьезно...

Она испытующе посмотрела на меня и быстрым движением схватила и сжала своими тонкими пальцами мою руку.

— Марк, а у тебя сильные мускулы?

— Одной рукой тебя поднять могу.

— Не поднимешь,—задорно произнесла она.

Она повисла на моей руке. Я высоко поднял ее и стал кружить.

— Довольно! довольно... Марк... закружишь.

Опустил Сердце у нее билось, и высоко поднималась округлость грудей.

Вечерело. Сквозь прозоры моста лились закатные солнечные лучи. Мы шли с ней к поселку, в клуб.

* * *

Мост был готов и стоял свежеокрашенный зеленой краской. Ожидалось пробное открытие движения. День отдыха. Все рабочие настроены были празднично. С поездом должны из города приехать представители организаций.

Мы все смотрели в даль полотна. Наконец послышался свисток. Через минут пять показался черный корпус паровика. Он медленно подвигался к мосту и тихо остановился.

— Ура! Ура!—гремело кругом.

Из вагонов выходили представители. Шли поздравления. Инженер Стуков стоял, окруженный гостями. Варя тоже была там.

Открыли митинг. Выступали кто только мог говорить. Предисполкома, секретарь, Стуков, Варя, уполномоченный...

Говорили о стройке, о новой победе на этом фронте, о приближении пути к социализму.

Течет внизу широкая Обь...

— Построен новый мост!..

После митинга поезд был пущен по мосту. Тихо и медленно гигант шел в переплетах нового гиганта. Я стоял на мосту. Поезд прошел и стал удаляться дальше по насыпи.

Из степных просторов донесся последний свисток и замер. От бега паровоза дрожала грудь земли...

* * *

Нас с Варей откомандировали учиться в рабфак в большом городе Томске. Мы с Варей помогали друг другу и товарищам. Все делимся своими знаниями.

Я не стал котельщиком, а пошел учиться,— пошел туда, где дорога мне казалась шире.

Отец прислал письмо и спрашивает: «Ну, как, малый, твои дела? Мать скучает по тебе, боится, думает, не затерялся ли там. У нас теперь коллектив—работаем вместе. Взяли трактор, косилки и молотилку. Дела налаживаются. Одна беда—агронома нет. Ждем. Обещали выслать. Построили маслобойку. Открыли кооператив. Еще открыли избу-читальню, провели радио. Не знаю, что от нового получится, а пока что живем получше прежнего. Ну, прощай. Приезжай проведать. Мать больно скучает».

Я был доволен этим письмом и передал его Варе.

Она прочитала и сказала:

— Деревня растет, только там культурных сил мало... Ничего—пополним. Правда, Марк?

— Я вряд ли. Я, если выучусь, мосты буду строить. Нравится мне это дело. Тяжелая индустрия... Подъемные краны, машины... Мы должны налегать, Варя, на промышленность!

— Да, но и в деревне нужно работать.

— Я согласен... а главное...

— А я хочу доктором быть. В деревню поеду, и там ведь нужно кому-нибудь помогать, правда?

— Варя, да это без сомнения... я не возражаю.

— Вот только одно жаль...—И она, не досказав, замолкла.

Я посмотрел в ее задумчивые глаза и спросил:

— Что жаль?

— Нет... Это я просто так,—и улыбнулась ямочками щек.

— Нет, говори!

— Не скажу... Сам догадайся.

Повернулась и убежала, маня извивом черных кос.

* * *

С этого момента я почувствовал, что я люблю Варю.

Я встречался с Варей часто. При ней меня охватывало смущение, точно я был виноват перед ней, в чем-то. Но я не признавался ей в этом. Между тем я часто думал о ней. Думал за

Варя! Варвара Ивановна!..

учебой, днем и ночью. Вспомнил, что я думал о ней и тогда, когда строили мост.

Первый намек недосказанных Варей слов оставил во мне светлый след.

Однажды я встретил Варю на улице. Она сказала:

— Марк! пройдемся.

Она была бледна. Мы шли с ней молча. По бульварам ходило много народа. Было шумно. Погода осенняя, пасмурная... Варя часто кашляла. Я спросил:

— Варя, что с тобой?

— Не знаю. Пустяк, должно быть, пройдет... в горле что-то точит.

— Ты бы сходила к доктору.

— Зачем? По каждому пустяку к доктору.—Потом вдруг спросила:—А помнишь, Марк, постройку моста?

— Помню... как же.

— Ты стоял наверху высоко, высоко... Потом мы шли с тобой... Ты поднял меня и кружил, как перышко... Мне казалось, что ты завертишь меня, закружишь и бросишь. Какое-то было жуткое и приятное ощущение летать. Хорошо бы улететь на аэроплане... Куда-нибудь на арктику, где нет культуры. Явиться туда пионером и строить жизнь. Разворачивать недра, добывать материалы и строить... Но непременно с такими людьми, как ты... Ты вот, Марк, пришел из деревни, а как быстро развился.

— Да, нет, что ты...—попытался возразить я.

— Не говори... ты сразу уцепился за познание, уцепился крепко, не оторвать... И идешь, идешь без останова вперед... Ты наверняка будешь инженером.—Она смотрела на меня значительно и долго.

— А я... Не знаю, где я буду... Что-то скучно, Марк.

— Ты, Варя, устала. Давно ли это? А помнишь, когда строили мост... Ты была тогда полна жизни и радости. Через год Варя, поедем в ВУЗ. Только развертывайся... учись... Тебе нужно отдохнуть, набраться сил. Наберешься и вновь к работе ринешься, только держись!

— Да... ты убежден?

Она глядела на меня и всем нутром своим искала поддержки.

— Ясно. А потом кончим ВУЗ, окунемся в работу. Полезный общественный труд окончательно захватит. Труд,—ведь это главная цель, других целей нет. Когда я работал на мосту, мне инженер Стуков сказал:— Старайся, из тебя выйдет толк. Будешь хорошим котельщиком... А я пошел дальше. Все живут и трудятся в одном огромном муравейнике... Оторваться, уйти от такой жизни нельзя... А уйдешь—ты станешь одинок, тебя загложет скука... И человек пойдет мимо жизни, в обвал, в пропасть. Конец. Черная дыра.

Мы шли с ней к рабфаку. Шумели улицы трамваями, автомобилями, голосами людей. Каждый жил... Пульс города учащенно бился огромным сердцем.

* * *

Прошло время. Я кончил ВУЗ и вот уже год работаю на практике по постройке железных дорог.

Шесть лет я не видался с Варей. Сначала имел с ней переписку, потом и это кончилось. Сойтись, совместно жить нам не пришлось по многим причинам. Я теперь женат, произошло это как-то случайно на последнем курсе ВУЗ'а.

Отец мой умер недавно, осталась одна мать. Я решил ее взять с собой и навсегда проститься с деревней. И вот в отпуск поехал к ней.

Когда приехал, был очень удивлен: деревня уже стала не та. Работал большой коллектив. В поле—машины, коллектив имеет свой маслобойный завод, крупорушку, богатый кооператив, клуб, школу второй ступени, больницу... Культура изменила внешний облик людей, отшлифовала язык—он стал чище и богаче. Одевается чище.

Стояла весна. Тепло. Ярко светит солнце. Воскресный день. Крестьянская молодежь гуляет около клуба. Радостные лица, веселый говор, смех... Видна сочная, здоровая жизнь.

Я вошел в клуб. Сходился народ. Я спросил у молодой девушки:

— Товарищ, что у вас сегодня в клубе?

— Доктор Варвара Ивановна Кожина выступит с докладом.

— Кожина?—Я был удивлен.

— Ца.

— Она здесь, в клубе?

— А вам что, к ней?

— Прошу... проводите...

Сердце мое учащенно забилось. Идя к ней, я волновался. Сразу проснулось прошлое: красный платочек, две косы, мост, степь. Живая, бодрая речь, рабфак... Все ожило.

Я вошел за сцену. Варвара Ивановна стояла и перелистывала какую-то книгу, не замечая меня.

— Варя! Варвара Ивановна... вы ли это?..

Я как-то отвык от нее и «ты» перевел на «вы».

Она оторвалась от книги и посмотрела на меня удивленно, точно обжигая... Узнала.

Я думал о девушке в красном платочке

— А, Марк!.. Вот не ожидала... Какими судьбами?..

— Приехал посмотреть... ведь я из этой деревни...

— Ну... вот случай! Садись и рассказывай. Не ожидала.

— Да...

— Серьезно. Рабфак... ВУЗ... а потом... Марк! Ну, говорите... говори, где, что и как...

Варя стала интересней, солидней, и серьезней... дышала энергией и здоровьем. Лицо и грудь покрылись легким загаром...

— Ты где же теперь, Марк?

— Строю железные дороги...

— Значит, достиг своей цели... А я вот в деревне Хорошо...

— Я не узнаю своей деревни... колоссальный сдвиг... Я не узнаю прежнего... не узнаю людей. А ты, Варя, не хандришь теперь?

— О, нет... Теперь вот лечу...

Она немного задумалась, а потом сказала:

— Вот, Марк, мы строили мост, а проходят другие. Ну, и пусть. Я радуюсь за тебя... за все окружающее...

Я простился с ней. Она стояла на крыльце небольшого домика.

Сердце мое волновалось. Я шел и думал о девушке в красном платочке, первой встрече с ней на мосту.

Откуда-то несся задорный, веселый смех и говор...

Стихи

ГРОЗА.

Ветры громыхают над бором,
И дробью врывается град.
И я выхожу на пригорок,
Как было три года назад.
Мне лирика эта
Простится.
Я сам этой грусти
Не рад.
Меня не встречает девица,
Как было три года назад.
Конечно, теперь для другого—
И грозы,
И ночь,
И рассвет,
И это короткое слово,
Длиннее которого нет...
Сгибаются тучи над бором,
Клубится дорога вершин.
Я слышу
Рычанье мотора
И шелест
Стремительных шин...

Авто ослепительным глазом
Наткнулся на кучу домов.
И громы взревели,
И сразу
Исчез колоссальный АМО.
И только за бором машина
Еще прогудела, пыля.
И туча,
Как дым от бензина,
Цеплялась за тополя....
А сердце
Стучало спокойней.
Так мерно грохочет мотор,
Где все—
И надежно, и стройно,
И весел, и молод шофер.
Прозрачно румянел над бором
Сосновой смолою закат,
Сверкал и дымился пригорок,
Как было три года назад..

Ив. Костин.

У СТАНКА.

Тянется стружка,
Мелькает ватагою,
В прорези глаз
Ярким золотом бьет.
Каждое утро
Громовой отвагою
Вновь закипает
Веселый завод.
Я у станка.
Бьется сердце уверенно
И не грустит уж
По скатам полей.
Жизнь, ведь, не прожита
И не потеряна
В радостном беге
Волнующих дней!

Вот оттого-то
Грудь бурно волнуется,
Слушая с жаждой
Станков перезвон.
Вот оттого-то
И сердце, как улица,
Вдруг налилося
Толпою знамен!
Ходит станок.
Бьется сердце уверенно
И не грустит
По заливам полей.
Жизнь начинается,
Жизнь не потеряна
В радостном беге
Волнующих дней.

Михаил Рудин.

В бой.

Великим и сплоченным кадром
Поднялся лагерь трудовой.
И вот,
Как грозная эскадра,
Заводы выступили в бой.
— В бой с опозданьями и браком!
Как канонада
Гром станков...
— Вперед, товарищи, в атаку!
— Вперед
За новый Перекоп!
Бойцы храбры.
Удары метки.
Горят победные огни!
Все выше
Знамя пятилетки
Вздымают крепнущие дни.
Пусть силен враг.
Но с каждым годом
В краю, где строят и поют,
Все выше
Фабрики, заводы
И монолитнее встают!

Дм. Буравцев.

О винтике.

Иду дорогою
С рудничного поселка,
К бровям надвинул
Черный козырек,
А степь зеленая
Раскинулась широко,
Ее колышет
Свежий ветерок.
И вот я вижу
У дороги серой,
Где ручеек
Извилисто бежит,
Позабытый
И осиротелый
Винтик маленький
Заржавленный лежит.
Я винтик взял
И ржавчину породой
Слегка оттер,
И он уже блестит.
Его, ведь, в нашем
Механическом заводе
Еще к машине
Можно привинтить.

Ал-др Корецкий.

Ранняя вспашка пара.

Пыхтя и лязгая железом,
Ломает трактор целину
За призадумавшимся лесом
На распластавшемся клину.

Клин ощетинился на межах
Сухой полынью, словно еж,
А трактор прет, кромсает, режет,
И в почве пробегает дрожь.

Из-за лесочка не деревня
Глядит на пашню, а колхоз,
Что о поминках жизни древней
Решает наскоро вопрос.

Избенки, риги там все те же,
Что были год тому назад,
Но в поле сломаны уж межи,
И нет к грядущему преград.

Напрасно молятся оглобли
Из-за застрех глядящих сох!
Святые их давно оглохли,
И умирает старый бог.

Его распяли коллективы
Крестьян в советской стороне
Посереди полынной нивы
На деревянной боропе.

Г. Куликов.

Молодая жизнь.

Наши дни—золотое кружево,
Каждый день—золотая нить.
За окном сумасшедшая кружится
Развеселая наша жизнь.

Мы очистим ее от плесени,
Нашей стройки растут этажи,
Из мансард мы выходим с песнями
Строить новую нашу жизнь.

Знаем мы в золотом нашем мире, как
Нужно жить и учиться жить,
Ведь у нас огневая лирика—
Стройка фабрик, заводов, машин...

Нам не нужно зрачки суживать,—
Мы в грядущее ввинтим их.
Наши дни—золотое кружево,
И на стройке мы нужные винтики.

Лев Кондырев.

Вожатая.

Этот день был молодецки бравый,
Будто жизнь смеялася, цвела.
Ты ребят, под левый и под правый
Радостная, бодрая вела

Важен труд, важна твоя работа.
— Эй, вперед шагай!... Шагай вперед!
Пионеров молодая рота,
Пионерский развеселый взвод.

Девушка!... веселая такая.
Расхвалить тебя слов, право, нет.
Ты такая... юная... простая...
Комсомольский мой тебе привет!

Петр Романов.

Равняй в ногу!

(Оче[illegible]ников).

Решили включиться в соц. соревнование... (Текстильно-машиностроительн. м-ская).

ОБЕДЕННЫЙ перерыв. В мастерской раскрыты окна, не слышно обычного шума и грохота. Станки отдыхают; не шуршат, не бегают ремни.

У верстаков—группа рабочих. Кто с газетой, кто наскоро, обжигаясь, глотает чай из эмалированных кружек.

На верстаке тов. Проничев, — в охотничьей мастерской завода № 1. Прыгает солнечный зайчик, попутно поджигая отполированную сталь разложенных деталей.

Наливая в кружку густой чай, Проничев рассказывает:

Молодежь вызывает на соревнование и «стариков»...

— Вот они фроловские берданочки; одна к одной... Пойдут от нас в Сибирь и Туркестан к охотникам.

Он показывает на десяток уже собранных ружей, тускло поблескивающих стальными частями:

— На нашем переходе—сборке и приладке ружей—уж очень кропотливая работа. Каждая деталь имеет свой «каприз», к каждой надо подойти умеючи. Мы делали раньше 7-8 штук в день, теперь делаем по 10 штук.

— Почему, ты спрашиваешь, стали больше делать? Да потому, что больше у верстака стоишь, папироску покурить как следует приходится только в перерыв, — добавляет он, зажигая папироску.—Большая устойчивость требуется вначале, а потом и руки и глаза привыкают. Все идет чередом. Каждая вещица как будто сама на место ложится и трудности особой не чувствуешь... Когда мы подняли норму выработки, многим это не понравилось. Говорят: «А что в том, что они больше сделают,—браку больше будет у них, а пользы никакой».

— Но на проверке другое оказалось: качество ружей не только стало не хуже, но еще улучшилось. Пришлось бузотерам подтягиваться за нами. И подтянулись: стали тоже делать 8-9 штук вместо 7...

Гудок ворвался в открытые окна мастерской.

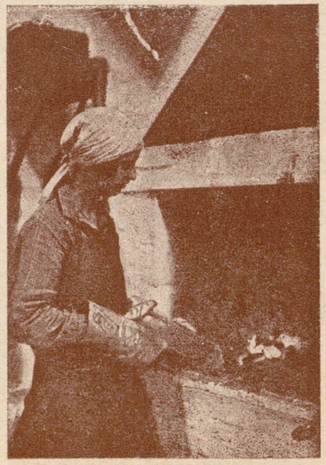
Машины заговорили снова. Тов. Проничев надел очки; улыбающиеся его глаза стали серьезнее. В его руках защелкал затвор ружья.

...Охотничья мастерская одна из первых начала социалистическое соревнование. Рабочие мастерской, не дожидаясь оформления и подписания договоров, стали сами поднимать норму выработки.

* * *

По заводскому двору, повизгивая, катит маленький паровозик. Мы переходим в текстильную мастерскую завода. В дверях застряли вагонетки с материалами. Минута—другая, и вагонетка неуклюже поползла по рельсам между станков вглубь мастерской, раскачиваясь и дребезжа.

Два молодых парня работают рядом, засучив рукава.

От мужчин не отстаем...

— Вот первые из молодых поднял выработки,—показывает нам секрет комсомольской ячейки т. Пушкин с светло-русой шапкой волос на гол

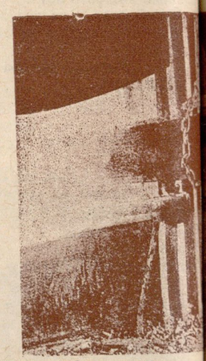
— Разработка валика для тек машин на этих станках,—отвечает вопрос один из парней тов. Князев... поднимаю на 15 проц.—Не трудно?—Н дело в сноровке. Работать надо та каждое движенье рук было расс Станок и руки—одна машина...

Он поправил сбившуюся кепку устремил глаза на станок.

Дело не ждет, разговаривать неко

Вот сборка текстильных машин сячи мелких и крупных частей собирается в одно целое—громадну машину на 500 и более веретен.

На сборке ватермашин работает бригада из 3 человек. Раньше ма бирали в 7-8 дней. Ударники пока надо работать, и собрали в 11-дне шины.

Работаем с точн[illegible] и без замедлений...

— Этот срок еще не рекордный рит член этой бригады тов. Кисе корд мы установим тогда, когда в вание вступят остальные 9 бригад ков. Беда в том, что подача деталей живается, а то бы мы завернули г надо!

— А не сгоряча ли вы это говор

— Горячки тут ссобой нет, горяч тит дело,—резонно добавляет другой ник.—Мы «хладнокровно» работаем. деле точность требуется большая... бы детали подавали, а мы уж..

Дальше идем по мастерской.

У стены кучка рабочих. Возбуж разговор.

Перед ними на стене—«доска в

— «Я, Соловьев, контролер текс мастерской, беру дополнительную н к своей работе и вызываю последовать примеру других контролеров мастер

Среди контролеров спор.

Одни говорят:

— Можно вызов принять. Айда в ячейку с ответом на вызов!

А другие:

— Подождем еще, посмотрим, ка вится Соболев с работой, а тогда уж

На доске вызовы и других передо бочих. Каждый день 5—6 новых рабочих появляются на доске вст в колонны армии социалистическог внования.

Передовики сдвинули всю мастер Кто за ними?!

* * *

стументальная мастерская № 1. В ком- ячейки слесарь-инструментальщик тов. держа в руках газету, возбужденно рит:

Какие мерзавцы, а!

обращаясь к нам, спрашивает:

Читали «Правду»? Белогвардейцы пишут: алистическое соревнование, это—оче- ая выдумка большевиков».

В ихней жизни и не то скажешь,— йно вставляет другой рабочий.

А кто им верит-то?..

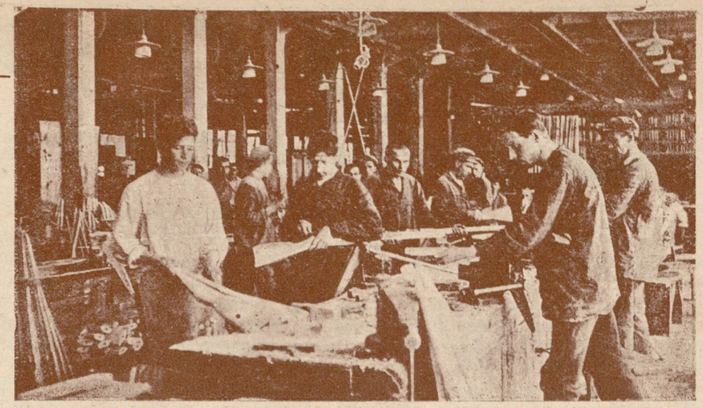
от ответ инструментальщиков:

20 слесарей перехода повышают норму отки на 50 проц. и вы ывают другие оды.

Пусть бесятся...У них, белогвардейцев, о и дела осталось...

* * *

тузиазм соревнования охватил все ма- ские завода. К единицам, начавшим со-

„Делали 7—8 штук, теперь делаем 10". (Охотничья мастерская).

этом тоже надо подумать! А мы что же.. Должны работать и будем!..

— Эй! Давай! Сюда давай!—крикнул он во все горло проползавшему крану. Крановщику не слышно... Кран ползет дальше... Вальцовщик перешел на ручной разговор, и кран послушно остановился.

* * *

Сборочная мастерская меднопрокатного завода—исключительно женская мастерская.

У столов и верстаков склонились цветные повязки.

Здесь тоже соревнование на полном ходу.

— Мы раньше вырабатывали 120 килограмм,—говорит молодая девушка, пряча под повязку пряди белокурых, непослушных волос. Теперь вырабатываем 340 кило. И ничего..

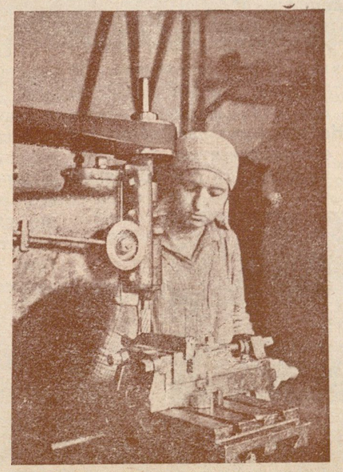
Улыбка заиграла на губах.

— От мужчин не отстаем. У нас трудовая дисциплина по всему заводу на первом месте

И верно, в сборочной мастерской за 6 месяцев была только одна неявка на работу по неуважительной причине. тогда, как другие (мужские) мастерские прогуляли сотни дней.

Контролерша т. Чикорева рассказывает:

— Раньше нас было здесь две женщины, а теперь я одна управляюсь на своем пере-

У нас прогулов не бывает. Пусть мужчины работают так, как мы...

ходе. Вот как работают у нас бабы!.. Соревнование, так соревнование!.

* * *

За большими заводами пошли и «мелкие» фабрики и заводы. Соревнование захватило всех.

Самоварная фабрика им. Ленина одна из первых вступила в соревнование.

Только недавно вышедший из учеников комсомолец Колька Козлов так говорит своим учителям полировщикам.

— А ну, старики, подтянись! Кто за мной? Я вас научу, как надо работать.

— Ишь ты, молокосос, учить вздумал... Дак мы... зубы тут растеряли на работе и ты думаешь отстанем ..

„Летучее" заседание штаба соревнования бобриковских горняков.

Бешено вертятся полировочные круги, выбрасывая стопами искры...

Старики полировщики решили догнать Кольку Козлова. Догнали, не отстали старики, а производительность труда шагнула вперед больше, чем на 20 проц.!

— Вот она молодежь-то какая!

* * *

«Мы поднимем производительность труда на 34 проц. и снизим себестоимость на 24 проц!»—Кричит плакат на скобяной фабрике ВЗОК.

— Это не бахвальство наше, а проверенное до тонкости решение,—заверяют взковцы.—К концу хозяйственного года это будет фактом.

А ну, кто за ними?!

* * *

Тысячи, миллионы рабочих, все фабрики и заводы вступают в социалистическое соревнование.

Все—в одну трудовую колонну!

— Равняйсь! В ногу!

Труд, одухотворенный идеей творчества, вперед и выше ведет человека.

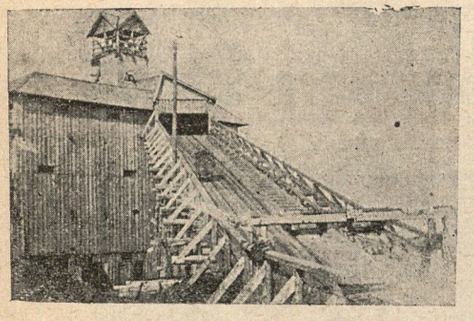

(Подмосковный бассейн через пять лет).

НЕ СНИЖАТЬ темпа индустриализации! Догнать и перегнать капиталистическую технику! Рационализировать по-социалистически!

— Есть!—отвечает Подмосковный каменноугольный бассейн.—Со следующего года мы начнем строить в Бобриковском районе мощный промышленный комбинат: электростанцию на 300.000 киловатт, заложим американские шахты с годовой добычей в 600—700 тысяч тонн каждая, начнем строить химические, углеперегонные, силикатные, кирпичные заводы.

Девиз подмосковников—не возить сырье с места на место, но переработать его на месте и дать готовую продукцию. Переработать свой уголь

Механическая откатка.

в электроэнергию и дать ее по проводам; переработать в газ—пустить его по трубам.

Ни один градус тепла, ни один элемент угля не должны пропасть даром. Поэтому тепло от сжигания угля на электростанции будет использовано для заводов, газ—для химической переработки.

Переработанный подмосковный уголь даст водяной газ, аммиак, газолин, спирт, серную кислоту.

Из бобриковской глины и угольной золы будет добываться алюминий, — таким образом не пропадет и угольная зола, а ее на одной электростанции, дающей 300.000 киловатт, будет оставаться до 400 т. тонн в г.

Та же зола в смеси с глиной — великолепный шамот; из нее будут изготовлять огнеупорный кирпич и другие огнеупорные материалы. Не пропадут даром и огромные запасы кислотоупорных, красочных и друг. глин, известняков.

О грандиозных перспективах Подмосковного бассейна говорят цифры: 500 миллионов рублей на все строительство. 8 миллиардов тонн возможных запасов угля. 2½ миллиарда тонн торфа. Полмиллиарда тонн железной руды, столько же фосфоритов. И еще колоссальные запасы высокосортных глин, известняков, стекольного песка и т. д. и т. д.

* * *

...Вырастет мощный промышленный комбинат. По проводам побежит электрический ток, потечет горючий газ. Задымят новые фабрики и заводы. Вырастет промышленный городок с театрами, клубами, фабрикой-кухней, трамваем.

Это будет через пять лет. Ждать недолго—годы кипучего творчества, великой стройки пройдут незаметно.

И каким маленьким, незаметным станет нынешний бобриковский рудник им. Рыкова—центр будущего комбината—со всеми его маленькими шахтами, с его неполадками, горестями и нуждами.

Но маленькими, незаметными они будут после, через три—пять лет. А теперь они, «в соответствии с масштабом», и заметны, и крупны. Хотя бы потому, что от них пойдет дальнейший рост.

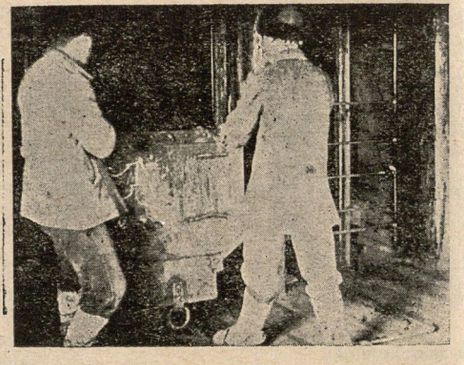
Много их, этих горестей и неполадок, на руднике!

Вот, например, построили механическую откатку. Собрали ее из того, что под рукой оказалось—из всякого старья, хлама. Это похвально. Но результаты: тросс тянется прямо по шпалам, вагонетки нередко с рельс сходят. На день раз двадцать вся откатка останавливается: то у нее что-либо случится, то с порожняком затор. В забоях—то простаивают откатчики, то гоняют вагонетки без передышки, не успевают выбрать весь уголь.

Большинство шахтеров—крестьяне. Для многих из них—сначала поле, а потом шахта.

Не уверен поэтому завшахтой в том, что завтра у него во всех забоях работать будут, что добытый уголь сможет он дать «на гора»—поднять на поверхность. Приходится поэтому держать излишки рабсилы. А это—накладной расход на себестоимость угля.

Как же быть?—Нужны постоянные кадры шахтеров, подлинные пролетарии. Но для них нужно жилье, а

Вагонщики.

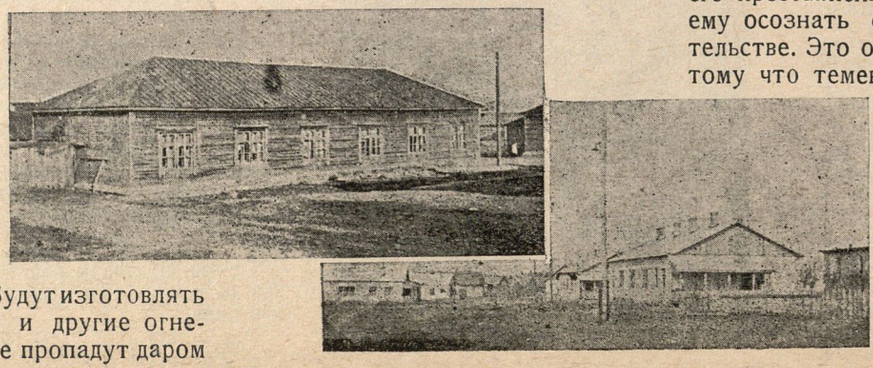
жилья-то нет. Поэтому строят на руднике новые шлако-бетонные дома, растет маленький поселок. Но еще маленький, далеко не достаточный для удовлетворения всех нужд.

И еще есть путь—коллективизация шахтерского сельского хозяйства. О нем когда-то усиленно говорили, а теперь забыли.

А самое главное—изо дня в день, на каждом шагу нужно воспитывать подмосковного шахтера, переварить его крестьянские настроения, помочь ему осознать свое место в строительстве. Это очень, очень нужно, потому что темен еще шахтер, малограмотен в общей массе.

Есть, конечно, среди шахтеров энтузиасты, они на деле уже доказывают, что для них дорога шахта, что они не отстают от победного шествия социалистической стройки. Но их еще недостаточно. Им нужны подкрепления.

А. Силин.

Вверху старый барак. Внизу—вновь выстроенный поселок.

ОДНА В ДЕНЬ.

(Очерк Н. Стрекопытова).

ЗАВОД раскинул свои корпуса вдоль берега реки. Гудков еще не было, но одна за другой открываются калитки домиков на окраинах, торопливо выходят рабочие, направляясь к заводу.

И когда раздаются в разных краях города гудки, зовущие к труду, отдельных фигур нет: они вливаются в целый поток сплошной массы рабочих.

Проходные ворота завода, проглатывают десятки тысяч людей, и с их приходом оживают отдохнувшие за ночь корпуса-гиганты.

Третий гудок будит заснувшие станки, дребезжит электрический звонок.

И с шелестом приводных ремней, с легким ритмическим постукиванием металлических скрепов, завертелись валы трансмиссий, заработали станки.

— Кончай чаевничать, вишь, кормилец «понес», — шутя кивает на мотор широкогрудый «кабестанщик» Петя, пивший чай с группой товарищей, человек в 12.

Часовые стрелки показывали 5 минут восьмого.

Приятно видеть дисциплинированность. Через минуту никого не застанешь без дела. Сотни человек приступили к работе.

Кто меняет инструмент, кто завертывает в станок работу, кто пилит, кто рубит,—всяк занят своим делом.

Токаря, слесаря, строгальщики, кабестанщики и все другие рабочие заняты обработкой деталей к текстильным машинам.

С 1926 года, после разрыва дипломатиче-ских и торговых сношений с Англией, ВСНХ разместил по металлургическим заводам СССР заказы на изготовление всевозможных текстильных машин, до того ввозившихся исключительно из Англии.

Один из самых сложных типов машин, «уточный ватер»,*) на 500 веретен, был заказан в Туле заводу № 1.

Под руководством опытного инженера тов. Мельникова-Егорова машино-строительным отделом была выполнена эта почетная задача, и к концу 1926 года завод изготовил две машины.

Правда, были и недочеты—первая машина имела некоторые технические неточности, но на ошибках учатся, и следующая машина выпущена безупречной.

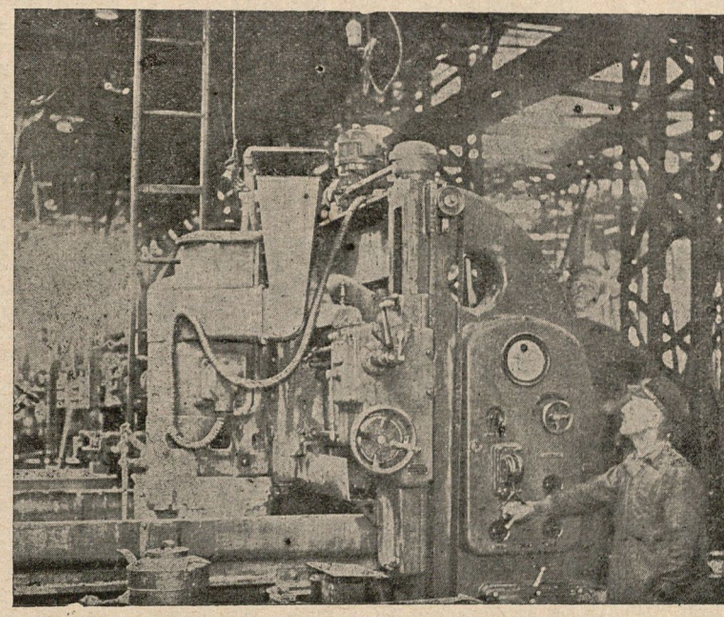
В 1927 году завод успевает изготовить два заказа: в 14 и 15 машин. 29 новых «уточных ватера» советского производства получили текстильные фабрики.

Справившись с заказами 1927 года, завод получил ряд новых заказов и за 1928 год, выпустил около 80 машин.

С начала 1929 года ежемесячно в среднем выпускается 20 гигантов-ватеров, и сейчас заготовка деталей производится на 25 машин в месяц.

Мы идем к ряду новых, огромных, только-что прибывших из Германии станков.

Фрезерные, строгательные, наждачно-шлифовальные и других типов стоят великаны. Под стеклянным потолком бегает по рельсам—балкам под'емный кран, схватывает полутонные детали и, легко перенося их из края в край мастерской, подает для обработки на станки.

Новые плоско-шлифовальные станки в текстильно-машиностроительном отделе завода № 1, прибывшие из Германии. Они в десять раз производительнее ручного труда и вырабатывают 28 деталей. Установлены в декабре 1928 года.

С шумом, похожим на шум пропеллера аэроплана, извергая искры и тучи пыли, мощный шлифовальный станок отделывает плоские поверхности чугунных деталей после отливки.

Удивительно, до чего доходят технические возможности.

Раньше одна деталь обрабатывалась на строгальном станке, после чего слесарями опиливалась «с пил» и зачищалась наждачным полотном, а сейчас всю эту работу выполняет один станок.

И скоро, и хорошо.

— Вот если бы он обрабатывал не только плоские поверхности,—говорит старик-строгальщик,—нам пришлось бы бросить свои станки.

— На всех работы хватит,—шутя отвечает ему шлифовальщик.

Идем по мастерской дальше, и наше внимание приковывается работой прессов-автоматов.

Рядом со старыми прессами, где работает работница, где так часто бывают ранения, когда зазевавшаяся, слишком неосторожная прессовщица не успевает выхватить руку из-под пуансона,—работают аккуратные автоматы, дающие нужной формы стальные пластинки из ленты, автоматически подающейся с барабанов.

Здесь весь труд рабочего заключается в перемене стальной ленты, да, изредка, поверке по шаблону готовой детали.

Рядом с автоматами-прессами стоят автоматы, делающие разные болтики, трубочки, втулочки и тому подобное.

Вставят в один конец стальной или чугунный стержень, а через некоторое время из другого конца падают в ящик готовые детали.

Идем в следующий цех,—цех сборки ватер-машин.

Вот они, только что начатые сборкой, частично собранные, и собранные уже окончательно, готовые к отправке заказчику.

Здесь собирают, разбирают, клеймят части, укупоривают в деревянные ящики и, подхватив тем же под'емным краном на воздух, опускают на платформу грузовика-автомобиля.

Здесь же, на территории завода, ящики грузятся в железнодорожные вагоны и отправляются на текстильные фабрики.

Одна машина в день,—вот сегодняшняя выработка.

А сейчас все рабочие заняты мыслью о дальнейшем повышении выпуска машин.

Освобожденная от экономической зависимости, наша страна растет и разрушает блокаду, которую пытаются поставить наши враги.

*) Уточный ватер растягивает толстую пряжу системой особых рифленых валиков и наматывает на свои веретена уже готовую для тканей нитку.

„На злопыхательство буржуазии и гнусные ее нападки на созданное рабочими руками социалистическое соревнование мы отвечаем: — Соревнование мыслим не как временную кампанию, а как систему нашего труда".

(Из письма тульских металлистов пленуму ВЦСПС).

Белые ямы

Тростенки.

ПОСЛЕДНИЕ домики потомственных оружейников взбегали на бугор и останавливались. Голубыми глазами окон они любопытно оглядывали долину.

За долиной жались к земле низенькие, угрюмые хатенки. Они стояли обособленно. Их крыши просвечивали от древности. На гнилых досках пышно зеленел мох под злобным наблюдением крапивы, старавшейся дотянуться до крыши.

Кругом дымились белесоватые выбоины. В иных была вода; ее черпали ведрами девушки с засученными выше колен юбками. Ноги девушек были покрыты коростой высохшей глины и грязи.

— Белые ямы,— называли это место потомственные оружейники.

Кровавый спас.

Гончар всеми силами старался вложить в сына свой талант и свое уменье. Он хмурил брови, он шел за ремнем, когда сын его делал не так, как его учили. И, наоборот, когда сын его приходил с улицы истерзанный и избитый, но переполненный гордостью победы,— лицо гончара расплывалось в широчайшую улыбку:

— Воспитание не прошло даром. Сын научился драться!

И вот приходил Медовый спас. Вся долина пестрела цветами. Тростенки тонули в зелени, в букерах ромашки, незабудок, колокольчиков. По бокам дороги шелестели молоденькие березки, только что привезенные из леса.

Долина шумела, звенела, смеялась. Взлетала и рассыпалась девичья песня—точно бубенчик, точно лады гармоники под пальцами виртуоза-гармониста. Или, быть может, это только падали хрустальные капли со стенок колодца в раскрытые венчики цветов?

Черным лаком сияли пролетки купцов, съехавшихся на праздник. Шмелиным гудом исходил баян.

Духовенство ликовало. Начинался молебен. Шествие медленно обходило вокруг колодца. Архиерей, важный и натянутый, солидно басил в бороду, тоненько верещали певчие, колыхались хоругви.

На дороге из города появлялся статный, черный, как цыган, Парфен. В ярко вычищенных голенищах его сапог дробилось солнце. В волосатом кулаке Парфен сжимал горлышко «четвертухи».

— Здорово,— кивал низенький, жилистый Ерш, и глаза его становились масляными при виде бутылки.

— Принес?—улыбался коренастый рыжий Пупырь с лицом, изрытым оспой.

Братья Халопы солидно раскланивались.

Парфен доставал стакан. Начиналась попойка.

Уже над долиной клубилось облако пыли. Уже доносилось тупое плюханье кулаков и отчаянные голоса:

— Парфе-ен!

— Пупыря. .а...а!

Бойцы снимали пиджаки и, перекрестившись, кидались в бой. С бугорка в стороне любовалось духовенство. Хоругви, свернутые, были в стороне, на них серым налетом ложилась пыль. Один за другим появлялись около хоругвей шатающиеся, харкающие кровью, гончары и ничком падали на траву.

Мерно взлетали волосатые кулаки Парфена. Быстро, отчаянно дрались братья Халопы. Прищурив глаза, напролом шел Пупырь, пробиваясь к своим.

И крик, и стон стояли над долиной.

— Убили!.. родимые!.. а...а .!

— Парфен, не выдавай!

Бой шел за обладание колодцем. На цветы падали тяжелые капли крови.

Березки, растоптанные, лежали в пыли...

Ярмарка невест.

Раз в году, 16 августа, на кладбище устраивалась гулянка. Девушки надевали свои лучшие платья. В лентах и кружевах появлялись они на кладбище. Фу ты, какие барыни! Шикарные барыни! Ну, как можно было догадаться, что платья эти куплены на последние гроши, что в кружева и ленты вложены долгие месяцы напряженной, каторжной работы?

Подвыпившие, бесшабашно-веселые приходили на кладбище парни. Гармоника лукаво повизгивала, смеялись парни, девушки опускали ресницы и хихикали в кулак. Взад-вперед хлопотливо сновали свахи, испытующим взором оглядывая девушек.

— Хочешь сосватаю вон с той?— подходила сваха к парню, еще не нашедшему «пару».—Хорошая девка. Работящая. И груди, прямо, как яблоки...

Сваха подробно расписывала достоинства своей девушки. Парень соглашался. Конечно! Можно было с уверенностью сказать, что через неделю он будет пить водку на своей свадьбе...

Так уходили годы мимо Белых Ям. Цвели и шумели весны, гудели и клубились метели над долиной, но не изменились хатенки, но все также звенели хрустальные капли со стенок неиссякаемого колодца.

Умирающие горшки.

Заречье наступало на долину. Домики рабочих окружили с трех сторон Белые Ямы, замкнули их почти в кольцо.

Но Белые Ямы остались теми же. Ничто не изменилось в них.

Как и раньше, смотрят подслеповатыми окнами в землю хатенки. На гнилых досках все так же пышно зеленеет мох под злобным наблюдением крапивы, старающейся дотянуться до крыши.

Высоко в синеве вьется стая голубей. Тихо. Высунув языки, бродят худые собаки. Несколько кур трепыхаются в пыли. Из лужи торчит сломанная лопата.

Само производство осталось таким же, каким оно было столетие назад.

Низенький сарай-навес. Девушки месят ногами груду глины. Старик гончар обмазывает деревянные формы глиной и ставит их на полки в печь. Потом форма вынимается по частям, и горшок готов.

Старик вздыхает.

— Нас, горшечников, всего 10 человек осталось,— говорит он.— Эх-хе! Не берут горшки-то... Видно всему пришел конец...

Почему вздыхает старик? Почему не берут горшки?

Старик смотрит в печь. Борода его освещается красноватыми отблесками пламени.

— Все стали чугуны покупать,— оборачивается он.— Известно, чугуны-то прочнее горшков. Где же нам угнаться за фабрикой? Сам Соловьев, Михал Михалыч, скупщик наш,— может слыхали? Тут он неподалеку торгует. И тот говорит, что горшкам конец. Теперь наши гончары принялись кирпич делать..

Но, может быть, кирпич этот не умрет? Может, будущее гончаров лежит в кирпиче?

Широкими корпусами надвинулся завод на Белые Ямы. Кирпич в Белых Ямах делают только девушки, да старики. Расшатанным нажимом охватывают они куски глины и раскладывают по полкам. А парни давно работают на кирпичном заводе...

...Засыпаны пылью давности и бои, и ярмарки невест.

Последние работники уходят из Белых Ям. Останавливаются на бугре и смотрят прощальным взором назад, зная, что им не вернуться.

И звенят им тяжелым звоном хрустальные капли со стенок неиссякаемого колодца. И громадными окнами сияет им завод, раскинувшийся над долиной.

И. Сирота.

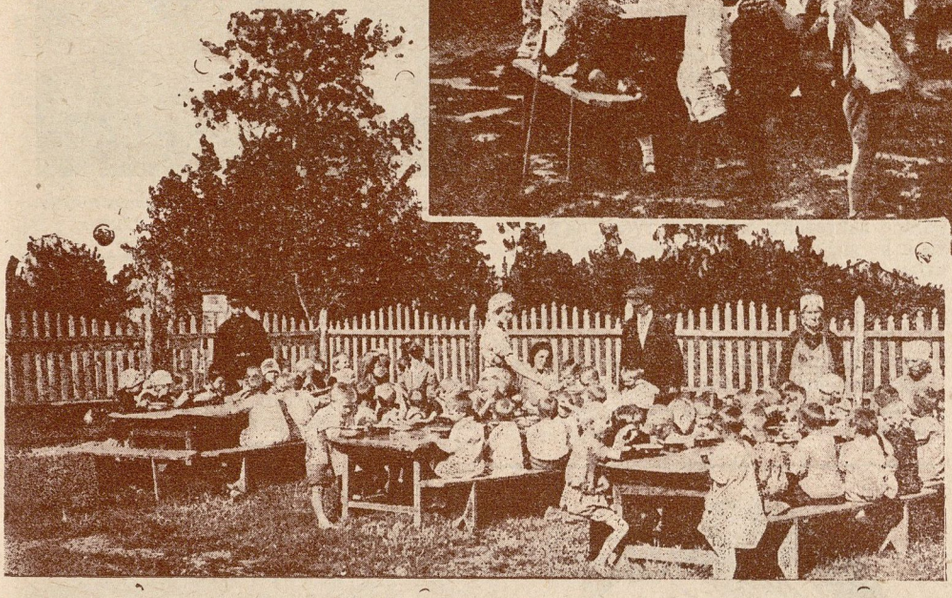

...Бой шел за обладание колодцем...

На воздух!
На солнце!

В сады! На площадки!
В лес!

Во всех садах Тулы открыты детские площадки.

На снимках: дети на площадках.

1) Игры. 2) Обед.

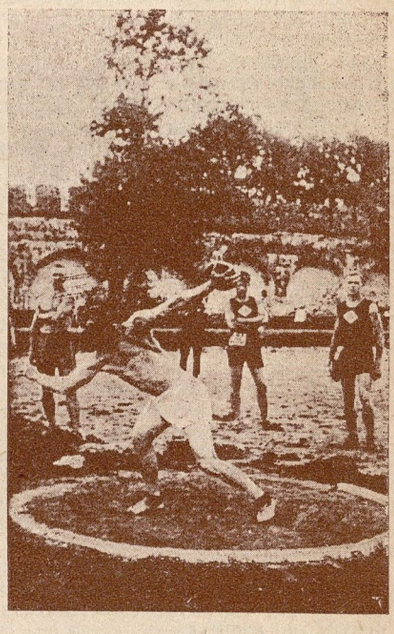
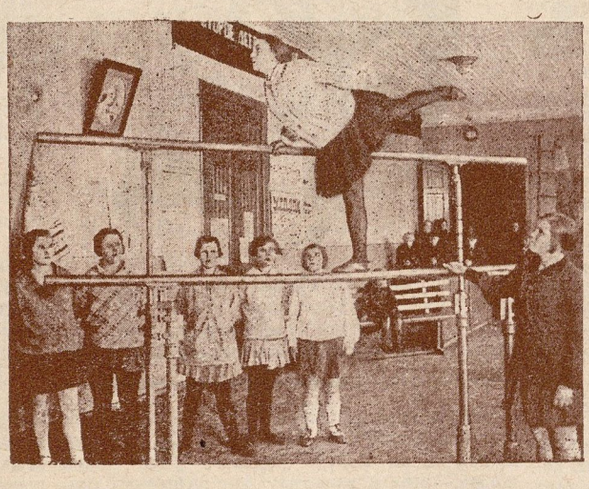

Фото-этюд Лейзерова.

Физкультура.

1) Упражнение на параллельных брусьях.

2) Метание диска.

3) Состязание в беге. Пришел первым!

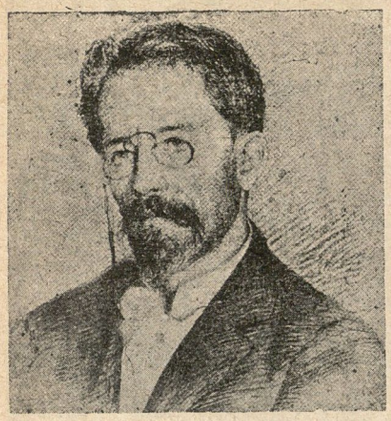

Внизу, налево:

дети, Коля Корнеев и Боря Гаврилов, первые принесшие свои мелкие сбережения в помощь детям расстрелянных германских рабочих.

ЧЕХОВ В СОВРЕМЕННОСТИ.

(К исполняющемуся 25-летию со дня смерти писателя—15 июля 1904 г.).

А. П. Чехов.

ЧЕХОВ умирал в Баденвейлере под грохот японских пушек, громивших Порт-Артур. Трагический фарс российского самодержавия доигрывал на сцене истории свой последний акт, или, точнее сказать, начинал пролог к февралю-октябрю 1917 года.

В 1904 году вместе с Чеховым началось умирание чеховской России. И если смотреть на Чехова, как на художника, изображавшего почти исключительно российского интеллигента „среднего пошиба", с его „сволочным духом" (слова самого Чехова), то надо признать, что Чехов умер во-время. Произошло то самое, о чем он говорил в отрывке из своего незаконченного рассказа:

„Великие события застанут нас врасплох, как спящих дев, и вы увидите, что купец Сидоров или какой-нибудь учитель уездного училища из Ельца, видящие и знающие больше нас, отбросят нас на самый задний план, потому что сделают больше, чем все мы, взятые вместе. И прежде, чем заблестит заря новой жизни, мы обратимся в зловещих старух и стариков и первые с ненавистью отвернемся от этой зари и пустим в нее клеветой". („Письмо").

Судьба Чехова в сущности была глубоко трагична. Всю жизнь стремиться к людям подвига и деятельной веры („Таких людей, как Пржевальский, я люблю бесконечно", писал Чехов) и стать изобразителем той самой интеллигенции, представители которой изображены в его Лаевских, дядях Ванях, учителях Беликовых и всяческих „нытиках и пыжиках", о которой он презрительно сказал, что не верит в „нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую", не верит даже, „когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр".

Волевая, действенная натура, активный работник, хотя бы в скромной сфере земской, врачебной и просветительной деятельности, всегда бодрый, всегда жаждущий новых впечатлений, неутомимый путешественник, ненавистник неправды и зла, не словом, а делом умеющий отвечать на насилие (вспомним демонстративный уход Чехова из академии после изгнания из нее М. Горького), Чехов был популярен „унылой, бесцветной интеллигенции с ее вялой душой, вялыми мышцами, отсутствием движений, неустойчивостью в мыслях". (Письма Чехова, т. 2, стр. 478). Но он вынес и самому себе, и своему поколению жестокий приговор: он и о себе, и о писателях-современниках сказал, что никто из них в „своем творчестве не дал миру ни одной капли алкоголя".

Темперамента и страсти не было в том, что он писал. Ему надоело кисляйство, он знал, что русскому обществу пора начать „желать", „ему, прежде всего, нужны желания, темперамент". Он, проницательный художник, врач аналитик, человек здорового материалистического миросозерцания, ясно видел, что „наше общество утомлено, от ненавистничества оно ржавеет и киснет, как трава в болоте, ему хочется чего-нибудь свежего, свободного, легкого, хочется до смерти", но вместе с тем он многого не видел и не понимал: он утверждал, например, что „революция в России никогда не будет", а рабочего движения он попросту не заметил (о рабочих вообще только мимоходом, в двух-трех рассказах). Социально-политические пожелания его не шли дальше скромной конституции „со свободой печати и совести".

И вырваться самому из затхлого болота российской обывательщины и созданного им того символического города, где только „пьют и едят, от скуки рожают детей и лгут", и указать путь другим, как избавиться от „пирога с капустой и жареного гуся", он не мог, да и не знал, в конечном счете, что предложить взамен старого быта с его поэтическими вишневыми садами. Его программа, его этика и философия, сводились к следующему:

„Мое святая-святых, это—человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновенье и абсолютнейшая свобода—свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались".

Максим Горький из Италии приехал в СССР.

Взамен ясно указанных целей и стремлений—расплывчатая идеология, ни опирающаяся ни на какую „норму". „Что такое норма,—мне неизвестно",—определенно указывает Чехов.

2.

Чехов жил в самое отвратительное время—в пору малых дел и тупой реакции последнего царствования. Многого он не понимал и многого не видел. Но он одно понимал твердо и одно видел ясно, что с вялой, равнодушной, безвольной интеллигенцией делать ему нечего. И он задыхался, сидя в Москве, и у себя в Мелихове, и на белой своей даче в Ялте.

Чехов был рационалист, материалист по всему складу своей природы. Он резко отошел от толстовства, потому что „расчетливость и справедливость" говорили ему, что „в электричестве и в паре—любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса". (Письма, т. 4, стр. 293).

Этим своим материализмом Чехов отделяет себя от буржуазных писателей, которые особенно рьяно нападают на материализм. „Материалистическое направление,—повторяет Чехов,—необходимо и неизбежно. Вне материи нет ни опыта, ни знания, а, значит, нет и истины". И Чехов, сам того не сознавая, сделал огромное дело: он способствовал окончательному разложению быта российской интеллигенции. Его рассказы, с необычайной силой и яркостью запечатлевшие этот быт и его нравы, воспитали целое поколение в лютой ненависти к чиновникам Лаевским, профессорам Серебряковым, врачам Ионычам, архитекторам Ползиковым.

3.

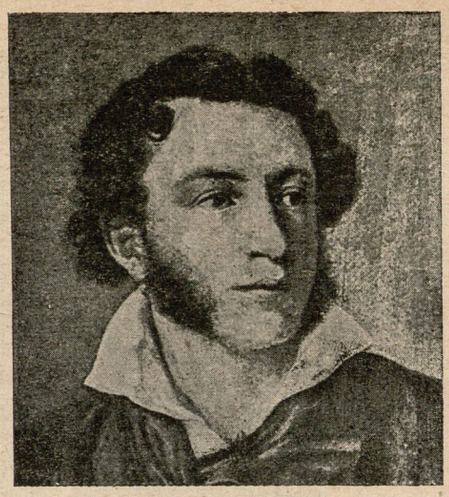
Как художник, Чехов для своего времени был подлинным революционером, сломавшим старые формы русской прозы.

Новые пути это,—создание „маленького рассказа" со сгущенным, сконцентрированным содержанием, новеллы, насыщенной психологически, не лишенной стержня действенно развивающегося сюжета. Поколение писателей—Ив. Бунин, А. Куприн. С. Сергеев-Ценский, Ив. Шмелев, Ев. Чириков (не говоря уже о сотнях Лазаревских)—прошло через чеховскую школу. Тот импрессионизм, который является ее отличительным признаком, оставался надолго господствующим в нашей художественной литературе. Русские символисты почерпнули у реалиста Чехова и смелость его метафор, и четкость скупого рисунка, и ритмичность его мужественной прозы. Даже на поколение писателей, называющих себя „неореалистами", продолжает оказывать Чехов свое влияние: это „чеховское" не трудно уловить у Ев. Замятина, в „Простых рассказах" Б. Пильняка и мн. др. современных писателей.

Чехов не был завершителем классической русской литературы. На нем почти не сказались Гоголь, Тургенев, Толстой. „Компактность маленького рассказа" и импрессионизм формы возвращают Чехова к западно-европейской классике, к традиции Флобера и Мопассана. Знаменательно, что в американской новелле О. Генри мы находим все те же чеховские приемы, все ту же динамику его маленького рассказа. И это нас не удивляет: „чеховское" ощущаем мы и у Г. Банга и у немца Келлермана, к Чехову стремится сейчас и проза англичан. „Новые формы", по которым тосковал „декадент" Треплев, были завоеваны самим Чеховым. „Читать меня будут семь лет",—предрекал Чехов. Он ошибся. Его продолжают не только читать, но и изучать, а это уже означает, что „чеховская форма", перестав быть современной, становится той необходимой ступенью, не перешагнув которую, нельзя итти вперед и выше.

Юр. Соболев.

А. С. Пушкин.

6 июня исполнилось сто тридцать лет со дня рождения поэта—1799 г.

Рис. В. Сэпп.

Юмореска В. Питерского.

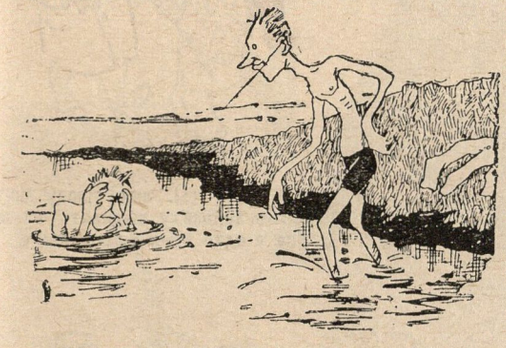
Ну, и чортова жарища,
Все кругом раскалено.

Лезет тучею пылища
Во все щели чрез окно.

Враг старинный откомхоза—
Нас прославившая грязь,
Верный друг туберкулеза,
Легче пуха поднялась.

Лезет в ноздри, лезет в уши,
Злей голодного клопа.
И манит к себе нас с суши
В воды грязные Упа.

Солнце сверху так и чешет,
Вопреки строкам газет;
На-голо обриты плеши
И в фаворе маркизет.

Все дела пославши к чорту,
Кой-кто двинул в отпуска,
Но деревням, на курорты
Греть на солнышке бока.

Раскраснелись все, как раки,
Всюду модный разговор:
Еду в Сочи, еду в Саки,
Еду вглубь кавказских гор.

От жарищи нет спасенья,
Тянет к речкам; на лужки;
С нетерпеньем воскресенья
Поджидают туляки.

Вот подходит день желанный,
Выходить в поход пора,
И окрестные поляны
Заполняются с утра.

До свиданья, дым завода,
Стулья жесткие контор,
Здравствуй, матушка природа,
И полей твоих простор!

Нагруженные, как мулы,
Вдаль шагают туляки.
Тут корзинки, тут баулы,
Тут какие-то мешки.

Кепки, шляпы и платочки
Замелькали по кустам;
Кто лежит, кто рвет цветочки,
Слышны песни тут и там.

Завы, помы, делопуты,
Позабыв свои чины,
В эти сладкие минуты
Сразу стали все равны

Тут веселье и отрада,—
Лучше места не найти.
К заву, к пому без доклада
Можно смело подойти.

Сметы, планы и балансы
Позабыты средь лугов,
И веселые романсы
Слышны с дальных берегов.

Одиночки, кучки, пары
Разбросались по траве...
Ну, конечно, звон гитары
Где-то слышится в листве.

Все тревоги позабыты.
На полях, в лугах, в лесу
Экскурсанты с аппетитом
Уплетают колбасу,

Уплетают сыр, яички,
Запивают молоком
И нелепо без привычки
Ковыляют босиком.

Впали вовсе в детство люди.
День используют сполна:
Жарят спины, жарят груди,
Раскаляясь до красна.

Приютила всех природа,
Все у ней семья одна,
Но в семье не без урода,—
Так ведется издавна.

Пятна есть на новом быте,
Всем известно нам о том.
Посмотрите, посмотрите
На кружок под тем кустом.

Сели в круг, в середке водка...
Тянет их к себе она,
И тягуче лезет в глотку
Мутно теплая волна.

Не спокоен хмель в желудке...
Он шатает, он пьянит,
Нет уж ясности в рассудке,
И туман глаза темнит.

Тот смеется, тот заплакал,
Тот едва встает с земли..
Ругань, крик, за ними драка,
И бутылки в ход пошли.

Кто там ходит вдоль опушки,
Этак робко по бочкам?
Это—бабушка-старушка
Промышляет молочком.

Почему же старушонка
Так робеет и дрожит?
Потому, что самогонка
У нее в кульке лежит.

Все похожи в чистом поле.
Разбери, кто «пред», кто «член»...
Вдруг противник алкоголя
Заберет старушку в плен!

В стороне маячит хмуро,
Грустных думушек полна,
Одинокая фигура:
Завтра чистится она.

Вечер. Кончена прогулка
Опустели все кульки.
Выпив квас и с'евши булки,
Прут обратно туляки.

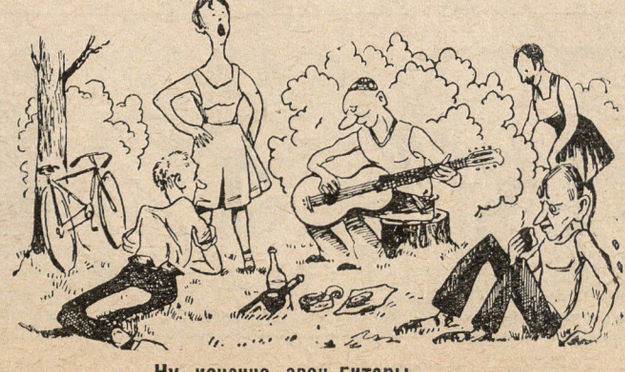

Завтра снова все за дело
Принимаемся с утра.
Крепок дух и бодро тело,
Не осилит нас жара.

Хороши курорты, дачи
Наслажденье летних дней,
Но текущие задачи
Нам дороже и важней.

Напряжем свое вниманье,
Поналяжем на станки...
Ведь у нас соревнованье,—
Не забудьте, туляки!

В. Питерский.

**Ну, конечно, звон гитары
Где-то слышится в листве...**

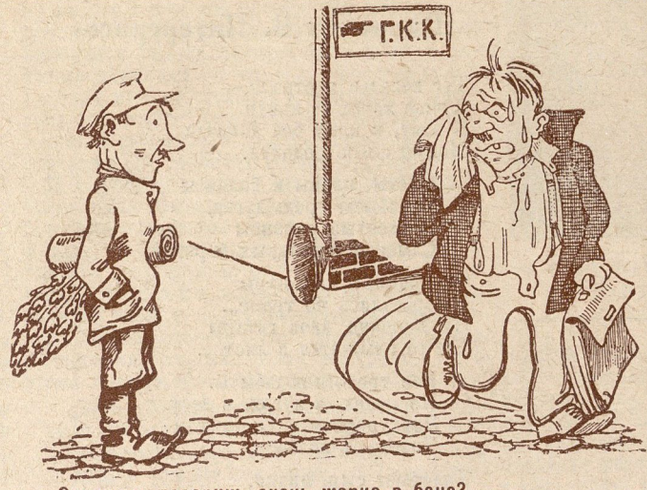
ЮМОР

— Вот возьмите новый роман Козявкина с предисловием Максима Горького.
— Скажите, предисловие отдельно не продается?

НАРУЖНОСТЬ ОБМАНЧИВА.

Рис. В. Сэпп.

— Скажите, товарищ, очень жарко в бане?
Вычищенный из партии:—прошу не измываться....

— Ну, кто сегодня требуется на биржу труда?
— Сегодня? Очередной инспектор РКИ.

ТОЖЕ ДОСТИЖЕНИЕ.

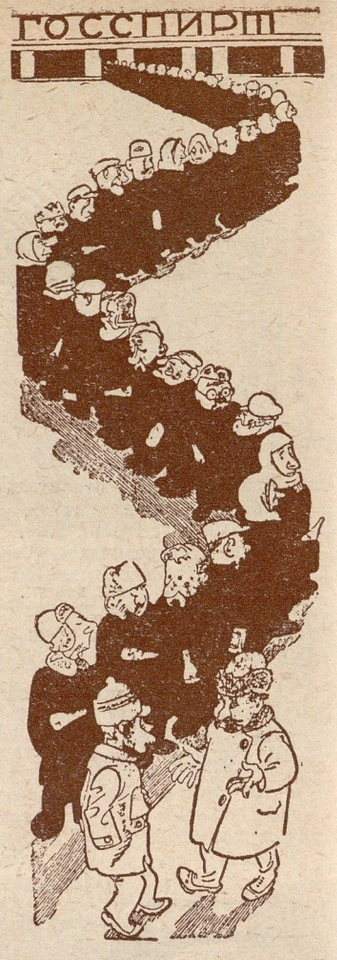
Рис. Ю. Ганфа.

— У нас спрашивают достижения, а вы о растрате шести тысяч пишете!?
— Так это же и есть достижение: в прошлом году к этому времени двенадцать было растрачено.

— Я к тебе сегодня не попаду: у меня совещание.
— Деловое?
— Нет. Производственное.

— Ишь ты, как всюду аккуратно зарплату выдавать стали! Все в одно время поспевают!

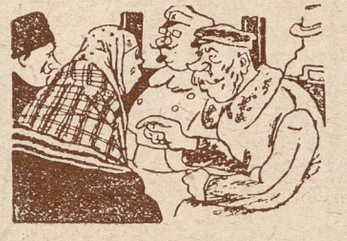
— Какая противная физиономия у этого типа!
— Он—новый заместитель нашего начальника.
— Разве?... Хм, да... То-то я и говорю: лицо некрасивое, а глаза на редкость симпатичные!.

Антисемитское радио.

Усилитель.

Передатчик.

Громкоговорители.

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Тулгублит № 713 Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 3333. Тираж — 3500 экз.